

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 156-160. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 156-160. ISSN 1998-0817
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"
<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-156-160>

А.П. КАРЕПИН – ПЛЕМЯННИК Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ГЕРОЙ ЕГО РОМАНОВ

Мякинченко Мария Александровна, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия, maria.myakinchenko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты взаимоотношений Ф.М. Достоевского с его племянником А.П. Карепиным и их отражение в творчестве писателя. Кратко описываются особенности натуры и характера Карепина, бывшего очень своеобразным и не вполне психически здоровым человеком, который послужил прототипом различных, фактически диаметрально противоположных в духовном плане героев – Трусоцкого из «Вечного мужа» и князя Мышкина из романа «Идиот». В статье делается вывод, что использование разных, подчас противоположных черт личности прототипа при создании образов героев произведений являлось особенностью творческого метода Ф.М. Достоевского. Кроме того, психическая болезнь Карепина и странности в его поведении позволили писателю по-разному додумать и выстроить не только образ героя с теми или иными чертами прототипа, но и отношение окружающего мира к этому персонажу, в свою очередь иллюстрирующему болезни общества.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, А.П. Карепин, племянник, прототип, «Вечный муж», «Идиот», князь Мышкин, творческий метод

Для цитирования: Мякинченко М.А. А.П. Карепин – племянник Ф.М. Достоевского и герой его романов // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 27, № 1. С. 156-160. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-27-1-156-160>

Research Article

ALEKSANDR KAREPIN, THE NEPHEW OF FYODOR DOSTOEVSKY AND THE HERO OF HIS NOVELS

Maria A. Myakinchenko, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, maria.myakinchenko@mail.ru

Abstract. The article discusses aspects of the relationship between Fyodor Dostoevsky and his nephew Aleksandr Karepin as well as their reflection in the writer's work. The peculiarities of the nature and character of Aleksandr Karepin are briefly described; he was a very peculiar and not completely mentally healthy person, who served as the prototype for various, in fact, diametrically opposed in spiritual terms heroes – Pavel Trusotsky from “The Eternal Husband” and Prince Myshkin from the novel “The Idiot”. The article concludes that the use of different, sometimes opposite personality traits of the prototype when creating images of the heroes of the works was a feature of the creative method of Fyodor Dostoevsky. In addition, Aleksandr Karepin's mental illness and the oddities in his behaviour allowed the writer to think out in different ways and build not only the image of a hero with certain features of the prototype, but also the attitude of the world around him to this character, which in turn illustrates the diseases of society.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Aleksandr Karepin, nephew, prototype, “The Eternal Husband”, “The Idiot”, Prince Myshkin, creative method

For citation: Myakinchenko M.A. Aleksandr Karepin, the nephew of Fyodor Dostoevsky and the hero of his novels. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 156-160 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-156-160>

«В силу специфики творческого метода Достоевского связь его биографии с глубинным смыслом его произведений очень сильна, и если не принимать во внимание эту связь, наше понимание этих произведений может быть неполным или даже неверным», – отмечал К.А. Степанян [Степанян: 119]. Однако, как уже было отмечено нами при анализе образа сестры писателя В.М. Карепиной, послужившей прототипом подчас противоположных по характеру героинь произведений Достоевского, внешние образы и жизненные ситуации в силу особенностей творческого метода Достоевского никогда не являлись константой, чем-то раз и навсегда завершенным, а свободно «использовались», перерабатывались писателем для решения текущих творческих задач, выражаясь в том числе и в свободном использовании тех подмеченных им черт характера, особенностей личности прототипа, которые требовались ему на данном этапе творческого процесса [Мякинченко].

При этом одни черты прототипа, становясь как бы более «выпуклыми», заслоняли, отодвигали на задний план другие его черты, уже использованные в предыдущих произведениях. Зачастую именно это приводит к разногласию мнений исследователей при оценке того, насколько определенная фигура из окружения писателя могла выступить прототипом того или иного героя.

В предыдущей статье эта особенность творческого метода писателя рассматривалась нами на примере использования Достоевским в художественных произведениях черт В.М. Карепиной-Достоевской, сестры писателя [Мякинченко]. Но наиболее ярким примером того, как один и тот же человек становился прототипом разных, подчас диаметрально противоположных по своему духовному и нравственному облику героев Достоевского, является, пожалуй, реализация писателем в произведениях облика, характера, внутреннего мира его племянника, сына В.М. и П.А. Карепиных, Александра Петровича Карепина.

А.П. Карепин (1841 – после 1871) родился в Москве в семье правителя канцелярии Московского военного генерал-губернатора П.А. Карепина и младшей сестры писателя. Отец Александра умер, когда мальчику было еще только 9 лет, и воспитание полностью перешло в руки матери. Об этом впоследствии писал и брат писателя А.М. Достоевский: «Обладая твердой силой воли и не женскую энергией, молодая вдова сумела не только воспитать своих детей, но и устроить их, почти не обладая никакими средствами и из гордости не прибегая ни к чьей посторонней помощи»¹.

Особенности методы воспитания В.М. Карепиной, видимо, долго еще обсуждались в семье Достоевских. Так, уже поступившего на медицинский факультет Московского университета А.П. Карепина на учебу каждый день сопровождала бонна, а после дожидаясь конца занятий, чтобы прово-

дить домой. А мать, проштудировавшая с сыном весь курс медицинских наук, по его собственным словам, могла запретить ему читать какую-либо из медицинских книг как ненадлежащую. Сколько в этом правды, а сколько фантазии передающих друг другу семейные сплетни родственников, уже неизвестно. Вероятно, что Карепин действительно страдал некоей легкой формой психического недуга, не мешавшего ему, однако, вести полноценный образ жизни – учиться, работать (после университета служил в Павловской больнице в Москве, позже был военным врачом) и даже создать семью.

Склонная к драматизации Л.Ф. Достоевская, дочь писателя, характеризовала Карепина как человека, чья глупость граничит с идиотизмом [Достоевская: 41]. В кругу же московских родственников, близко знавших Александра Петровича, хотя и было принято подсмеиваться над его странностями, но мнения о том, считать ли его «идиотом», расходились.

Так, другой племянник писателя, А.А. Достоевский, писал: «А.П. Карепин, действительно, страдал ненормальностью, для которой в медицине, по всем вероятностям, есть особый термин, но это не была глупость, а тем более не идиотизм. Я лично хорошо помню Александра Петровича, и мы – дети – вместе со старшими подсмеивались над его, так сказать, “недержанием речи”, но о глупости его у нас никто и никогда не говорил» [Волоцкой: 165].

А.А. Достоевский описывает и особенности речи и поведения Карепина, которые вызывали недоумение и подчас насмешки родных: «...до смешного кроткий, покорный и послушный даже в самые зрелые годы своей жизни, – этими своими свойствами он производил на окружающих впечатление человека смешного и с большими странностями». «По каждому случайно затронутому в разговоре предмету Александр Петрович готов был немедленно прочитать целую лекцию, обильно снабженную всевозможными подробностями – датами, статистическими данными, именами, цитатами и т. п. Все это, нужно сказать, отнюдь не выдумывалось им, а приводилось совершенно правильно и точно – обо всем он, оказывается, читал и прекрасно помнил. Такие “лекции” он мог говорить о чем угодно: о литературе, по философии, истории, биологии, медицине, метеорологии и т. п. Часто, не закончив одной темы, он, прицепившись к какому-нибудь случайно услышанному им слову, перескакивал на другую, обычно совершенно не связанную логически с первой темой и здесь так же сыпал различными справками, данными, цитатами и пр. Знал он очень много, но не было ничего синтезирующего, объединяющего все эти знания в одно целое» [Волоцкой: 165].

Как отмечает далее М.В. Волоцкой, «анекдотичны были не только житейские поступки Карепина, но даже иногда и те способы лечения, которые он применял как врач. Так, например, когда один кре-

стьянин порезал себе верхнюю губу серпом, Александр Петрович заклеил ему пластырем не только губу, но и весь рот и строго-настрого запретил ему снимать пластырь, обрекая таким образом своего пациента, если бы тот стал выполнять его предписания, на голодную смерть» [Волоцкой: 166].

Ф.М. Достоевский близко узнал своего племянника летом 1866 г., когда долго гостил в доме своей сестры В.М. Ивановой в Люблине, под Москвой. Познакомиться с ним он мог и ранее, когда навещал свою сестру В.М. Достоевскую-Карепину в Москве.

Летом Карепин был частым посетителем семейства Ивановых на их даче в Люблине. Он сам и его «чудачества» служили предметом шуток Ивановых и их многочисленных гостей, включая и самого Ф.М. Достоевского.

Дочь В.М. Ивановой, Мария Александровна Иванова, вспоминала: «Много веселья вносило присутствие в семье Ивановых племянника Ивановых и Достоевского, молодого доктора, Александра Петровича Карепина. Ему было двадцать шесть лет, он не был женат и отличался многими странностями. Все приключения диккенсовского Пиквика случались с ним. Несмотря на то, что он окончил медицинский факультет и состоял врачом при Павловской больнице, в жизни он был почти идиотом. Он был предметом неистощимых шуток и глумлений для молодой компании Ивановых» [Достоевский в воспоминаниях: 264].

Известны шуточные оды и стихи, сочиненные Ф.М. Достоевским «в честь» Карепина, дачные забавы, которым с упоением предавался писатель вместе с юными племянниками и племянницами, – импровизированные домашние суды над А.П. Карепиным. Вместе они подсмеивались над его странным поведением, его желанием найти себе «идеальную» юную невесту, 16–17 лет, «далекую от всех современных идей о женском равноправии и труде» [Волоцкой: 169] и ненавистью к эмансипированным женщинам.

М.А. Иванова вспоминала: «В то время как раз все зачитывались романом Чернышевского “Что делать?” и Карепина дразнили, предрекая его жене судьбу героини романа. Достоевский заявил ему однажды, что правительство поощряет бегство жен от мужей в Петербург для обучения шитью на швейных машинках и для жен-беглянок организованы особые поезда. Карепин верил, сердился, выходил из себя и готов был чуть ли не драться за будущую невесту» [Волоцкой: 169]. В конце разыгранного Достоевским с племянниками домашнего спектакля, где должен был состояться суд над Карепиным и его женой, которая хочет бежать в Петербург, затем чтобы обучаться шитью на швейной машинке, являлся Достоевский в образе белого медведя и проглатывал изгнанного в ссылку на Северный полюс незадачливого мужа – противника женской эмансипации. «Подобные инсценировки устраива-

лись очень часто, – рассказывала М.А. Иванова. – В другой раз была устроена торжественная процессия, сопровождающая Магомета II – доктора Карепина. Вся молодежь отправилась из Люблина в Кузьминки с боем в медные тазы, со свистками и пр.» [Волоцкой: 170].

Роман «Преступление и наказание» создавался Достоевским как раз в пору его пребывания на даче у Ивановых. Возможно, отголоски разговоров с Карепиным о его будущей невесте отразились в мечтах Лужина о женитьбе: «Давно уже, уже несколько лет, со сластиею мечтал он о женитьбе, но всё прикапливал денег и ждал. Он с упоением помышлял, в глубочайшем секрете, о девице благой и бедной (непреречно бедной), очень молоденькой, очень хорошенькой, благородной и образованной, очень запуганной, чрезвычайно много испытавшей несчастий и вполне перед ним приниженной, такой, которая бы всю жизнь считала его спасением своим, благоговела перед ним, подчинялась, удивлялась ему, и только ему одному. Сколько сцен, сколько сладостных эпизодов создал он в воображении на эту соблазнительную и игривую тему, отдыхая в тиши от дел!» [Достоевский 6: 235].

Достоевский не мог не вспоминать о Карепине и его стремлении найти себе скромную девушку, не попавшую под влияние современных идей об эмансипации женщин, и когда писал диалог между Лужиным и Лебезятниковым о супружестве. В комических высказываниях Лебезятникова снова угадываются мотивы шуток Достоевского и молодых Ивановых над А.П. Карепиным: «Вон у нас обвиняли было Теребьеву (вот что теперь в коммуне), что когда она вышла из семьи и... отдалась, то написала матери и отцу, что не хочет жить среди предрассудков и вступает в гражданский брак, и что будто бы это было слишком грубо, с отцами-то, что можно было бы их пощадить, написать мягче. По-моему, всё это вздор, и совсем не нужно мягче, напротив, напротив, тут-то и протестовать. Вон Варенц семь лет с мужем прожила, двух детей бросила, разом отрезала мужу в письме: “Я сознала, что с вами не могу быть счастлива. Никогда не прошу вам, что вы меня обманывали, скрыв от меня, что существует другое устройство общества, посредством коммун. Я недавно всё это узнала от одного великодушного человека, которому и отдалась, и вместе с ним завожу коммуну. Говорю прямо, потому что считаю бесчестным вас обманывать”» [Достоевский 6: 282].

Многие исследователи полагают, что А.П. Карепин является прототипом Трусоцкого, героя повести Достоевского «Вечный муж»: «В вечном муже мечты Карепина о женитьбе на шестнадцатилетней девушке воспроизведены в эпизоде сватовства Трусоцкого к Наде. Участие Вельчанинова в играх молодежи и “заговор” против Трусоцкого напоминают высмеивание Карепина молодыми Ивановыми во главе с Достоевским» [Достоевский

6: 475]. Сходство Труссоцкого с Карепиным отмечалось и очевидцами люблинских событий.

Достоевский комически вырисовывает Труссоцкого: «Такой человек рождается и развивается единственно для того, чтобы жениться, а женившись, немедленно обратиться в придаточное своей жены, даже и в том случае, если б у него случился и свой собственный, неоспоримый характер. Главный признак такого мужа – известное украшение. Не быть роконосцем он не может, точно так же как не может солнце не светить; но он об этом не только никогда не знает, но даже и никогда не может узнать по самым законам природы» [Достоевский 9: 27].

Тем не менее, узнав об измене жены с Вельчаниновым и о том, что его дочь на самом деле вовсе не его, а любовника жены, Труссоцкий начинает преследовать Вельчанинова и даже покушается на убийство. Это дает основание исследователям вновь провести параллель с Карепиным, который, рассердившись на Достоевского из-за сочиненного писателем очередного шуточного стихотворения, набросился на него с кулаками и готов был начать драку, так как «душевная кротость» его «сочеталась с большой возбудимостью и раздражительностью» [Волоцкой: 168]. Вельчанинов думает о Труссоцком: «Он ехал, чтоб зарезать меня, а думал, что едет “обняться и заплакать”» [Достоевский 9: 103].

Как уже было отмечено, веселые проказы люблинской молодежи, их шутки над Карепиным также нашли свое отражение в «Вечном муже». Так, взявшегося играть в пословицы с молодежью семейства Захлебниных Труссоцкого берут в игру лишь затем, чтобы потом обвести вокруг пальца, убежать от него («Пусть он там стоит и смотрит на забор, а мы все убежим» [Достоевский 9: 78]) и посмеяться над ним сообщая: «Павла Павловича отвели к самому забору, в угол, и поставили туда лицом, а чтобы он не оглянулся, приставили за ним смотреть рыженькую. Павел Павлович, уже ободрившийся и почти снова развеселившийся, намерен был свято исполнить свой долг и стоял как пень, смотря на забор и не смея обернуться. Рыженькая сторожила его в двадцати шагах позади, ближе к обществу, у беседки, и о чем-то перемигивалась в волнении с девицами; видно было, что и все чего-то ожидали с некоторым даже беспокойством; что-то приготавливалось. Вдруг рыженькая замахала из-за беседки руками. Мигом все вскочили и бросились бежать куда-то сломя голову» [Достоевский 9: 78].

Своими выходками Захлебнины приводят Труссоцкого в ярость, а Вельчанинов объясняет ему, что «оттого вас и дразнят, что вы злитесь, когда всем весело» [Достоевский 9: 78].

Те же черты характера, особенности личности А.П. Карепина, в некотором смысле породившие на свет Труссоцкого, совсем иначе воплотились в другом герое Достоевского – князе Мышкине. Именно П.А. Карепина многие исследователи от-

носят к основным из возможных прототипов главного героя романа Достоевского «Идиот» [Белов]. Так, В.В. Борисова делает подобный вывод на основании того, что «модальность его (А.П. Карепина. – М. М.) фигуры не столько сатирическая, сколько трагикомическая» [Борисова: 198].

Непохожесть князя на других, «резкое расхождение с общепринятыми нормами в общении и поведении», «детскость героя и комичность его облика и поведения», инфантильность дают основания исследователям соотносить Мышкина именно с А.П. Карепиным [Батталова]. Именно так «воспринимался и оценивался в своем кругу А.П. Карепин», вокруг которого на даче Ивановых, как и вокруг князя на даче Лебедева в Павловске, «образовалась целая компания гостей-насмешников», – считает А.Н. Батталова [Батталова].

«Смешной» – постоянный эпитет Мышкина. Аглая пишет записку Мышкину и наставляет его никому этой записки не показывать. «Хоть мне и совестно писать вам такое наставление, но я рассудила, что Вы того стоите, и написала, – краснея за ваш смешной характер», – заканчивает она [Достоевский 8: 299]. Ту же характеристику дают ему Ганя Иволгин и княгиня Белоконская: «...это человек решительно добрый, хотя и... смешной» [Достоевский 8: 398], «...человек ты добрый, да смешной» [Достоевский 8: 456].

Да и сам князь считает себя смешным: «Я, может быть, смешно очень выразился и был сам смешон...», – говорит он о себе Настасье Филипповне [Достоевский 8: 142]. Даже увлечение Карепина Дон-Кихотом, вплоть до намерения выучить испанский язык, чтобы читать Сервантеса в подлиннике, сближает его образ с образом князя-рыцаря Мышкина.

Таким образом, мы вновь встречаемся с ситуацией, когда один и тот же человек из числа знакомых писателя послужил прототипом совершенно разных по своему духовному облику героев. Шут Труссоцкий, почти перерождающийся от злости в классического героя из числа «бесов» Достоевского, и благородный, по-детски невинный, «юродивый» Лев Мышкин – оба могут быть соотнесены с доктором Карепиным.

Творческий гений Достоевского, его особенное восприятие врожденной двойственности человеческой личности, ее, используя термин Бахтина, «полифонизма», способность «слышать» разные тональности одной человеческой души позволяли писателю создавать разнополюсных героев, имеющих между тем один и тот же прототип.

Примечания

¹ Московский листок. 22 января 1893. № 22.

Список литературы

Батталова А.Н. Образ князя Мышкина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: проблема реаль-

но-исторических прототипов: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 170 с.

Борисова В.В. Александр Петрович Карепин как прототип князя Мышкина // Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения. 500 лет роду Достоевского: межвуз. сб. науч. трудов. М.; Иркутск, 2008. Вып. 18. С. 227–248.

Белов С.В. Ф.М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1. 576 с.

Волоцкой М.В. Хроника рода Достоевского. Москва: Север. 1933. 442 с.

Достоевская Л.Ф. Достоевский в изображении своей дочери. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 244 с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского / под ред. Н.Ф. Будановой и Г.М. Фридлендера. СПб.: Академический проект, 1993. Т. 1. 530 с.

Мякинченко М.А. В.М. Карепина (Достоевская) – сестра и героиня романов Ф.М. Достоевского // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 113–119. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-113-119>

Степанян К.А. Биография автора как источник комментария к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура. 2018. № 3. С. 119–142.

Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: Серия литературных мемуаров. М.: Худ. лит., 1964. Т. 1. 439 с.

References

Battalova A.N. *Obraz kniazia Myshkina v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot": problema real'no-istoricheskikh prototipov*: dis. ... kand. filol. nauk [The image of Prince Myshkin in the novel by F.M. Dostoevsky's "The Idiot": the problem of real-historical prototypes PhD thesis]. Ekaterinburg, 2013, 170 p. (In Russ.).

Borisova V.V. *Aleksandr Petrovich Karepin kak prototip kniazia Myshkina* [Alexander Petrovich Karepin as a prototype of Prince Myshkin]. *Tri veka russkoj literatury. Aktual'nye aspekty izucheniia. 500 let rodu Dostoevskogo. Mezhevuzovskij sbornik nauchnykh trudov* [Three centuries of Russian literature. Actual aspects of the study. 500th anniversary of the Dostoevsky family. Interuniversity collection of

scientific papers]. Moscow, Irkutsk, 2008, issue 18, pp. 227–248. (In Russ.).

Belov S.V. *F.M. Dostoevskii i ego okruzenie: Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary "F.M. Dostoevsky and his entourage"]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2001, vol. 1, 576 p. (In Russ.).

Volotskoi M.V. *Khronika roda Dostoevskogo* [Chronicle of the Dostoevsky family]. Moscow, Sever Publ., 1933, 442 p. (In Russ.).

Dostoevskaja L.F. *Dostoevskii v izobrazhenii svoei docheri* [Dostoevsky in the image of his daughter]. St. Petersburg, Andreev i synov'ia Publ., 1992, 244 p. (In Russ.).

Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.).

Letopis' zhizni i tvorcestva F.M. Dostoevskogo [Chronicle of the life and work of F.M. Dostoevsky], ed by N.F. Budanova, G.M. Friedlander. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993, vol. 1, 530 p. (In Russ.).

Miakinchenko M.A. *V.M. Karepina (Dostoevskaja) – sestra i geroinia romanov F.M. Dostoevskogo* [Varvara Karepina, née Dostoevskaya – sister and heroine of Fyodor Dostoevsky]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2020, vol. 26, № 4, pp. 113–119. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-113-119> (In Russ.).

Stepanian K.A. *Biografiia avtora kak istochnik kommentariia k romanu F.M. Dostoevskogo "Brat'ia Karamazovy"* [The author's biography as a source of commentary on F.M. Dostoevsky's "The Brothers Karamazov"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura* [Dostoevsky and world culture], 2018, № 3, pp. 119–142. (In Russ.).

F.M. Dostoevskii v vospominaniiakh sovremennikov: Serii literaturnykh memuarov [F.M. Dostoevsky in the memoirs of his contemporaries. A series of literary memoirs]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1964, vol. 1, 439 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 17.12.2020; одобрена после рецензирования 18.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 17.12.2020; approved after reviewing 18.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.